

Костя Ямщиков

Великолепные верлибры

Риторические вопросы

Мне кажется, или в воздухе повисло что-то такое конкретное и неизъяснимое сразу?

Мне показалось, или ночь переходит в день, но не становится короче?

Кажется мне, или бог действительно появляется в расщелине между физическим и душевным потрясением, случившимися одновременно?

Мне кажется, или осознанное ограничение своей свободы позволяет заглянуть во глубь себя?

Мне кажется, или чем дальше, тем хуже?
И не потому ли сейчас все так еще славно?

И почему они зовутся «сердечные потрясения»? Разве сердце не теряет себя, не сбивает свой ход во время таких потрясений?

Вот, наверное, поэтому...

А лужи крови? А жар крови? А пар поднимающийся, а страшный пар?

Или это все так только — кажется...

А морозная ночь? А смертельный удар?

И скрип: не то внешний, не то внутри скрипит что-то. И кажется мне это или нет, все-таки?

Когда мысль материализуется, становится понятно, что и мысли-то никакой не было. А что тогда было? Ведь что-то же было...

Белый пар, как пожар,
Сквозь морозную ночь
Все дымит.
И куда-то сбежать,
И кому-то помочь
Одновременно поздно.

Или сделаешь наоборот: не
укутываешься, когда холодно, а
раздеваешься. И что потом?

А если проголодался — вызываешь
искусственно рвоту. Или вот так еще
можно: когда уже нет мочи терпеть,
вить начинаешь нечеловеческим
голосом, так что плохо становится всем
окружающим. И дальше-то что?

Или так еще: просто ударил кулаком в
спину в толпе — и растворился.

Или так вот: сделал подлость, а завтра
— еще большую. И с этой надеждой
уснешь.

Открываешь дверцу, ведущую к
мусорному ведру, а там чужой мусор.
Открываешь окно, и вроде чего-то уже
не хватает и там, за окном.

Кушаешь — не кушается.

По-хорошему хочешь — натура
противится.

В холодильнике еда испортилась. Цветы
все иссохлись. Свет не горит. Отопление
отключили. А ты — глядишь — все тот
же. Живая душа.

И в тишине стоишь полночной,
Где ни один, и где ни два,
А столько вас неосторожно
На миг открылось, что едва
Сам не зажмурился на это, и не поверил
сам. И сердце сбилось.

Моя родина — это гостиничный номер
маленького незнакомого города

Я стою в огромной ванной комнате,
похожей на больничную.
Я в гостиничном номере с видом на родину.
Моя кровь подсказывает что-то невнятное.
Я мочусь в унитаз, не поднимая сиденья,
стоя
голый в ванной комнате, похожей на
больничную.

За окном туманно и снежно,
черно, как на мокрой меловой доске,
там растут дома и лица, нарисованные
поверх сугробов.
Черно-белые отпечатки чужой молодости
танцуют странные танцы без ритма, музыки
и композиций.

Да. Этот город лучше трогать, чем видеть,
я люблю его холод и приметы детства:
бойлер трещит и тухнет, если нужно
помыться,

вода остывает, как только в нее ложишься,
здесь нет приезжих и даже чье-то
раскосое детство стало здесь обыденной
жизнью.

Тебя примут, когда ты уедешь,
и удивятся, если вернешься.
Фаянсовый блеск, а я не знаю, как пишется
это слово,
я голый, мокрый и мне холодно в этом
отеле.

Поэма про друзей

Наташе Михайловой и Паше Васильеву

1

Мы бродили в лабиринтах человеческой
жадности,
переворачивали стаканы духов и пахли
потом.

На одну ночь мы становились моложе,
а утром со страхом смотрели в пустые
бутылки и просили славы.

О, беззаботные юнцы и юноши,
вы, дирижеры баров, безвестные поэты,
бродяги и их жены.

Достигшие вершин бездельники
и попрошайки загородных вилл,
как часто в мыслях я с вами.

Превозмогаю счастье, клянусь вам и
отдаюсь вам, и остаюсь с вами.

Как часто в мыслях я с вами.

Безответственный
на грязных улицах в нательной позолоте,
в холодной ванной и в скорченном
судорогой теле.

2

Пилигримы и каннибалы,
одни пред лицом природы,
сливающиеся в танце
и глядящие на другого в отражение
зеркальной реки.

Здесь, где деревья впились в
оконные рамы,
на грязном берегу амазонки,
мы воскрешаем своих отцов.

Здесь я живу, чтобы быть живым.
И мое тело — критерий
нравственности,
а смех — причина счастья.

Здесь мы целуем друг друга с
криком:
идиолатрия!
Скорбим по ушедшей молодости
и от того только еще цветом.

Я не могу вам сопротивляться, но
здесь я могу вас любить.

Как огонь в железе и как свет в
стекле, во мне вы.
Как смех в закрытых глазах и как
крик в шепоте эха,
во мне вы.

это написано еще в 2018 году

Белка, серенькая с животом,
похожая на мою бабушку,
здесь я учился ходить, на пляже,
и вспоминал тебя часто,
обманом угнанный в море.

Сюда мы ехали два дня на
велосипеде,
отдыхая в грязной зеленой пене
придорожной пыли,
когда убегали из дома.

Наши девушки спят здесь под
солнцем и рожают ветер в белых
палатах,
бросающих тень неоновых вывесок
на смуглые лица.

Под нами плыли Турция и Ростов,
в черных чулках и белых шапках люди,
в желтой воде и синем солнце,
подернутые рябью и глубиной.

И мы вставали в шесть утра с эрекцией,
не помещающейся в дом,
ловили зубами ветер над озером и
говорили себе: это море, над которым
лесные птицы становятся альбатросом
и откуда можно уплыть обратно домой.

лето 2016

Как пахнет Оля Зубенок

Запах олин бензиновый, пьянящий,
полынный, горький, дурмящий,
диоровский, округлый, осязаемый,
озоновый, как будто дождь.
Беззвучный, тихий, звенящий,
смешливый едва, звенящий тоже едва.
Глубокий, сумрачный, лесистый,
а потом
с переменным ландшафтом,
знакомый всегда и потому опять новый,
в нем мудрость, данная по-умолчанию,
сразу,
в нем слабость неумолимая,
вот он
какой он, запах олин.

Все, кого я знаю

Видел я этого Немирова:
много человек, конечно, выпивает.
И жена у него какая-то нерусская.

Видел я этого Пеперштейна: косой какой-то,
сутулый весь и рыжий. Пародия, а не мужчина.
А молодой красивый был.

А может и не он это и был вовсе...

Видел я этого Пригова: смех без причины.
Однако же видно, и образование в человеке
есть. В очках, серьезный такой, пишет все
время чего-то.

Видел я этого Кабакова: на деда моего
покойного похож. Царствие ему небесное.

Видел я этого Сорокина: носатый такой, наглый.
Сразу видно, не в России живет, потому и
наглый. Это по усикам его сразу и понятно.

А может и не он это и был вовсе...

Да видел я этого твоего Монастырского,
узбек он какой-то хуев.

Видел я этого Волхонского, одно слово:
француз.

Да видел я твоего Рубинштейна:
маленький он человечек, рахитный
такой, тьфу. Тоже мне Лев, он не лев, он
мышь, плюнешь — переломится
дважды. Мышь Рубинштейн.

Видел я тут Ры Никонову, так вот имя у
нее соответствующее, именно что Ры.
Про фамилию не знаю, наверно девичья.
А с таким характером оно и понятно, что
девичья.

А может и не она это и была вовсе...

Видел я и этого — Мамлеева, говорят, он человека убил. И даже не отсидел потом. Блатной, наверное.

Знаю я этого Лимонова, я за него голосовал по телефону. Да вот посадили его недавно. А сам он человек порядочный, военный.

Видел я этого Кибирова, очкарик и бабник. А еще офицер бывший...

Видел я этого Головина, боже упаси с ним пить. Он и мертвого спойт. А впрочем...

Видел я и Дугина твоего, он двумя пальцами крестится. А еще батюшка...

Ну? Кто там еще остался?

вчера ночью на кухне

серым-серым засерел
и опять не новым
не свежим
и в прослойке утопленных глаз
где всё синим терялось
ужель не возвратно
расстаться

но наступит и ночь
как наступит весна
и не крылья — подкрылия даже
ты почувствуешь
трепетной мутью
приволочит в застланье глаза
и теряя сознание
черного лёта сознанье
вклинится юность моя
все еще мутная там

и назад, и назад
как теченью подвластная чтобы
и укутывала
и назад чтобы вновь
отводила

я пришел на приморскую
серо-зеленую ветку
цвета глаз у незрячего
коему должно отдать свое место

я приехал на чкаловскую
на весеннюю ветку уличных верб
хлестко стегающих всех
кто стоит
в этом строгом ряду предпасхальной
заботы

и на красной сегодня владимирской
повстречал я прекрасную женщину
в амбразуре крылатых доспехов
сквозь октябрьский день увядающих

так ушел я на желтую линию
на горчишную линию оловом
запаянную глупую пьяную
и остался на ней до конца
на достоевской

Оратория Невского проспекта

Андрею Монастырскому

сухость металла
его холодная неровность
рыжеющая и пищащая натура
тьфу, какая гнида

пористость дерева
его теплая пульсированность
влажная и всепринимающая натура
боже, откройся и ты мне
тождественно

ветренность вагона метро
его освещенная хромированность
замызганная и отторгающая натура
всепоглощающая

глянцевая гипсовость белого
памятника
его александреевичность и
всепотрясающая бледная
сидяцевость
как бы замершая натура
и живые цветы, и цветы неживые

вибрированность эскалатора
его липкая сетчатость
приобутая и глазеющая натура
в неловком шепоте

перистость облаков
их бледная паутиновость
снежная и опустошенная натура
опускается под ноги

збренность пешеходного перехода
его поистертая бесформенность
прескриптивная и гудящая натура
и цокающая! цокающая!

покрасненность кисти правой руки
ее пятипалая неодетость
замороженная и непослушная
натура
и больно, ай, как больно! больно!

удлиненность пальцев левой руки
их вкрадчивая аккуратность
женственная и ранимая натура
и гладит левую ногу, гладит!
гладит внутри кармана, гладит!

скученность сугроба
его припорошенная заledenелость
выпачканная испещренная натура
медленно и незримо, медленно и
незримо колыхается

фасадистость дома номер 14
его завершенная оконность
ветшающая и невозмутимая
а натура, натура какая!
и небо, принимающее ответ всего, к
чему прикасается

красность красной машины
ее фонарная зеркальная
колёсная и номерная натура
денно и ночью, оракульно и
константно

тенистость арочного свода
его кованность и вымощенность
хабаристая и трубная натура,
насквозь просматриваемая

закрытость рюмочной на пушкинской
улице
ее пушкинская алкогольная
обезлиценность
паркая и застекленная натура
звонит и трепещет

пробковость невского проспекта
его многолюдная несдержанность
чрезмерная и многострадальная
натура
и мокро, мокро и мокро! ай, как
мокро!

прозрачность мерцающих лиц
их перистая облачность
покрасненная и тусклая натура
но необезличенная

конность аничкового моста
его медная черно-зеленость
многообразная и памятная натура
с видом на ход времени, на ход
ледяных сугробов,
на ход белых следов на белом снегу

белость белых следов на белом
снегу
их малая едва примятость
и нетронутая детская
припорошенность
и вся их натура здесь присыпаемая

снежная дымчатость
ее призрачная пугающая
неуловимая и непреодолимая
натура
все затягивающая

кинематографичность дома кино
грифонность потолочных сводов
дома кино
их феевость, и орфеевость, и
арфичность
колесничность их перистости
ионическость, и звездность,
и в бархат одетость натуры

влажность поцелуя
его натура щелчками и пальцами
передаваемая

пьяность влажности поцелуя
его зудящая натура
и трубность вниз низвергающая

пьяная влажность поцелуевости
дома кино
его сиюминутная колкость
ватная взбудораженность и
обезоруживающая натура
в узком скрипящем кресле

горячесть борща
его густая обжигаемость
душеспасительность и
национальность
неизменная и стремящаяся натура

заиндевелость рюмочной водки
ее мимолетная натура
выпиваемая
и стремительный холод
сменяемый опустошенностью

блестящестъ февральскаго солнца
его точечная прорезаевоств
звенящая колокольчатость
переливистая и полая натура
являемая и отъявляемая
снова

песенность
песенность и напевность жизни
ее полая натура
лишь напоследок приоткрываемая

ослепительная трубность звона меди
его райскость и пронизывающестъ
всепроникающая натура
непозволительная и отрешенная

искорность
искорность искренности трамвайной
дуги
ее поднебесная нимбовость
и заскорузлая трамваеванность
натуры
коия, а еще лучше которя, движима
законом иным

лайевость собаки на улице
ее поспешная жизненность
опережающая и редуцированная
холодом натура
меньше малого. меньше, меньше!
еще меньше. меньше!

метелеивость раннего вечера
его постылая пениевость
разбухающая по горизонту натура
метелеивость раннего вечера

тусклость бара хроники
его сумрачная никитадавыдовость
мелодическая и ускользящая
натура
опять и опять проявляемая*

голубиная засранность памятника
добролюбову
его вертикальная выпренность
монументальная и молодцеватая
натура
сим зиждущаяся

терпкость табачного дыма
его густая античность и пористость
и натура важна. натура какая, натура!
ускользающая в терпкой дымчатости
и пористости

сухонность промерзшего куста
мнимая сдержанность его зимности
ветвистая и по-весеннему
обновленная натура
февральская, новая! истая!

ограниченность лифтового
пространства,
его тусклая запертость
механическая и возносящаяся натура
ангелоподобная

мокрость носков
их вязкость и каплевидность
мёртвенная и ледяная натура
отторгаемая, кажется, самой
природой

поэтичность каждого движения
их порывистая невыверенность
бьющаяся, трепещущая и кустящаяся
натура
из старого в новое прорастающая
и дальше, дальше, и дальше!

неповторимость момента
его исключительность и
неразличимость
неотделимая от жизни натура
но и запредельность неоспоримая
осязаемая

неуловимость мысли
ее участливая рефлексированность
сокрытая сочувственная натура
аз есмь за каждым поворотом
ныне и присно

неустанность повторения жизни
жизненность жизни
ее неустанная и жизненная натура
всеповторяющаяся

Этот куаркод ведет в телеграм-канал, там можно прочитать новые стихи или совсем старые. Но, главное, там можно послушать их в исполнении автора. А ведь именно так они и задумывались.